

Това Бенжамин

(США, Нью-Йорк)

Нью-Йоркский университет, Скирбол Департамент еврейских исследований

Аспирантка

ORCID: 0000-0001-7885-9534

E-mail: tpb254@nyu.edu

«Желтый вопрос» и еврейский вопрос на российском Дальнем Востоке: 1858–1914¹

Аннотация: В статье сравниваются еврейский и «желтый» вопросы на российском Дальнем Востоке, а также противоречивое отношение имперской администрации к китайцам, корейцам и евреям и их экономической деятельности в Приамурском крае. Рассмотрение этих групп вместе показывает, что империя относилась к евреям как к своему внутреннему «другому», а дискурс, характерный для описания евреев западных окраин Российской империи, мог применяться и в отношении других групп, воспринимавшихся как угроза, в данном случае – корейских и китайских мигрантов и поселенцев. В статье подробно описывается правовая неопределенность, в которой эти три группы существовали в период с 1858 по 1884 г., а также развитие антиазиатских и антиеврейских настроений после изменения административных границ в 1884 г. Несмотря на небольшое количество евреев в регионе, местные чиновники и чиновники Министерства юстиции и внутренних дел обсуждали еврейский вопрос в Приамурье. Российские чиновники и русские поселенцы, желавшие обратить внимание на возможную экономическую угрозу, исходящую от китайских и корейских поселенцев, воспринимали как типичных экономических эксплуататоров и евреев. В более ранний период (кон. XVIII в. – нач. XIX в.) империя считала евреев потенциально продуктивным колонизирующим элементом. В этой статье на региональном примере (Дальний Восток) рассматривается, как в имперском отношении к нерусскому населению соединились представления об экономической пользе от нежелательных групп с их предполагаемой культурной угрозой.

Ключевые слова: еврейский вопрос, имперские границы, евреи в Сибири и на Дальнем Востоке, корейцы в Приамурье, колонизация, китайская миграция.

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.04

---

¹ Данное исследование осуществлено благодаря стажировке в Исследовательском центре Частного учреждения культуры «Еврейский музей и центр толерантности» (Москва) и финансовой поддержке А.И. Клячина. Я хотела бы поблагодарить анонимных рецензентов за их вдумчивые замечания, редакторов, а также Якова Липскера за правки, которые мне очень помогли улучшить текст статьи.

На протяжении XVIII–XIX вв. Российская империя последовательно расширялась, включая в себя новые территории и разнообразные народы. Одной из самых трудных задач было поддержание стабильности в новообретенных районах с различными группами населения и превращение этих районов в интегральные части империи. В середине XIX в., после заключения ряда договоров с Китаем, Россия заняла Дальний Восток – территорию, прилегающую к рекам Амур и Уссури, вплоть до границы с Кореей, за тысячи километров от имперского центра. Вместе с землями к России отошло и население, состоящее как из представителей коренных народностей, так и из мигрантов. В поисках земли и лучшей доли мигранты прибывали в регион и до присоединения к России, и в особенности после него.

Учитывая близость Корейской империи и империи Цин, неудивительно, что к 1884 г., когда Дальний Восток стал Приамурским генерал-губернаторством, он уже был домом для десятков тысяч китайских и корейских поселенцев и мигрантов. У российских чиновников концентрация иностранцев в приграничном районе вызывала беспокойство, для обозначения всего комплекса проблем, которые, как считалось, могут быть вызваны этими группами населения, появился термин «желтый вопрос». Под этим термином имелась в виду как внешняя угроза от соседних государств, так и внутренняя угроза, исходящая от китайских и корейских мигрантов, а также вопрос о правовом статусе, праве на поселение и экономической активности этих мигрантов.

Помимо тех, кто попадал в Приамурье через дальневосточную границу, между 1858 и 1884 гг. в регион прибыло несколько тысяч мигрантов из Восточной и Западной Сибири, а также из европейской части России. Среди последних были и еврейские переселенцы, в том числе нелегальные. Российская администрация рассматривала присутствие евреев и иностранцев вблизи границы с Цинской империей как проблему, мешающую развитию новоприобретенных земель, переселению на них русских крестьян и охране границы от экономических и военных посягательств соседних держав. В отсутствие развитой административной и полицейской инфраструктуры местные власти поначалу вынужденно терпели и нелегальных нерусских переселенцев из других уголков империи, и китайцев, а корейцев даже признавали полезными в качестве земледельцев, но со временем начали предпринимать шаги для ограничения миграции и ужесточения контроля над иностранным присутствием в приграничных областях.

Качественный сдвиг в политике империи на Дальнем Востоке произошел в 1884 г., когда там было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, включившее Амурскую, Приамурскую и Забайкальскую области и остров Сахалин. Уже первый генерал-губернатор барон А. Н. Корф поднял вопрос о правовом статусе корейцев, китайцев и евреев – их праве

на жительство и экономическую деятельность в регионе. Несмотря на то, что по состоянию на 1884 г. евреи, в отличие от китайцев и корейцев, являлись российскими подданными, генерал-губернатор воспринимал все три группы как потенциальную угрозу – и экономическую, и культурную. В настоящей статье обсуждаются «желтый» и еврейский вопросы на Дальнем Востоке, сравнивается отношение местных имперских чиновников к китайским, корейским и еврейским поселенцам в Приамурье. Опираясь на архивные материалы, личные свидетельства генерал-губернаторов, отчеты путешественников и уже опубликованные по этой и смежным темам работы, я сравниваю положение евреев, китайцев и корейцев в период ранней колонизации – до 1884 г. – и анализирую эволюцию имперской риторики по отношению к ним после учреждения генерал-губернаторства.

Рассматривая эти группы вместе, нетрудно увидеть, что к евреям Российская империя относилась как к своему внутреннему «другому» и что ее видение ситуации у восточных границ во многом способствовало использованию дискурса о еврейской угрозе у западных рубежей и в этом случае: он был распространен и на прочие «опасные» группы – китайских и корейских мигрантов и поселенцев. В 1884 г., когда обсуждался вопрос о том, следует ли давать иностранцам и нерусским гражданам империи право на жительство на Дальнем Востоке, генерал-губернатор Корф взвешивал экономическую пользу от той или иной категории населения и вред, который она приносила или могла принести в будущем. Китайцев и корейцев одновременно признавали необходимой для развивающегося региона рабочей силой и обвиняли в экономической эксплуатации, в то время как евреи воспринимались как эксплуататоры *par excellence*. Каким малочисленным не было бы еврейское население региона, местные администраторы и чиновники в Министерствах юстиции и внутренних дел всерьез обсуждали еврейский вопрос в Приамурье. Для властей, как и для многих русских поселенцев, евреи были типичным воплощением экономической угрозы, с которой – в лице мигрантов из Восточной Азии – теперь столкнулись и они сами.

В исследовании о евреях и российской администрации на Дальнем Востоке В. В. Романова утверждает, что, расширив права евреев на проживание, правительство могло бы ограничить приток «желтого труда» и уменьшить проникновение в регион иностранного капитала, тем самым решив – хотя бы частично – две проблемы разом [Романова 2001, 60]. Кажется вполне логичным, что в дальневосточном колониальном контексте еврейские подданные Российской империи, особенно на фоне огромного числа китайских и корейских поселенцев, могли бы не считаться «иностранцами» и на условной цивилизационной лестнице стоять не намного ниже русских². Однако в реальности, при всех различиях

² Так утверждает Дэвид Волфф [Wolff 1999].

в «желтом» и еврейском вопросах, в глазах властей евреи были таким же неблагонадежным элементом, как трудовые мигранты и поселенцы из стран Восточной Азии. На ранних этапах колонизации выживание Дальнего Востока зависело именно от многочисленности китайских и корейских земледельцев и поденных рабочих. Напротив, немногочисленность евреев позволяла местным чиновникам без сомнений обсуждать их высылку из генерал-губернаторства или ограничивать их право на проживание в регионе, так как значимую рабочую силу они собой не представляли. Начиная с 1880-х гг., по мере того как на Дальний Восток прибывало все больше русских переселенцев, преимущественно крестьян, империя становилась все менее терпима ко всем иностранцам, включая корейцев и китайцев, периодически пытаясь выдавить их из приграничных областей и перераспределить землю в пользу своих русских подданных.

Со сменой руководства ограничительная политика по отношению к трем обсуждаемым группам на Дальнем Востоке все более ужесточалась. Н. Л. Гондатти (1860–1946), занимавший пост генерал-губернатора в 1911–1917 гг., прилагал немало усилий для депортации китайцев и корейцев и высылки евреев. Ниже я прослеживаю динамику антиазиатской и антиеврейской риторики властей с середины XIX в. до конца пребывания на генерал-губернаторском посту Гондатти.

Начало колонизации Дальнего Востока: корейские, китайские и еврейские поселенцы в правовом тумане (1858–1884)

Российская империя присоединила левый берег Амура после Айгунского договора 1858 г., а юг Дальнего Востока, Уссурийский край – после Пекинского договора 1860 г. Чиновники в Санкт-Петербурге надеялись, что эти отдаленные земли станут опорным пунктом России, куда будут массово переселяться крестьяне из западных губерний, чтобы осваивать богатейшие ресурсы Дальнего Востока: леса, реки и земельные недра. Сразу после аннексии, в отсутствие адекватной полицейской и административной инфраструктуры, в регион начали переселяться тысячи мигрантов, в основном китайских и корейских³. Большинству евреев было запрещено проживать в Сибири и на Дальнем Востоке, однако несколько

³ Историография на русском языке обычно описывает китайских и корейских поселенцев как мигрантов, хотя многие из них проживали на территории Дальнего Востока еще до его присоединения к России. Сергей Глебов полагает, что именно в результате аннексии эти переселенцы превратились в «мигрантов» [Glebov 2017, 103, сноска 53]. Пржевальский в своих путевых записках отмечал, что трудно определить, кто прибыл в регион до прихода туда России, а кто после. Поскольку корейское и китайское население Дальнего Востока было в высшей

сотен все же поселились там, а некоторым даже удалось приобрести в собственность землю [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1753. Л. 166]. Мигранты торговали в порту, нелегально добывали полезные ископаемые и расчищали участки в тайге для земледелия – одним словом, осуществляли экономическую деятельность, которую имперский центр практически не мог ни отслеживать, ни контролировать.

Три категории поселенцев – корейцы, китайцы и евреи – определяли как некоренных жителей региона и считали неблагонадежными. Для властей корейцы и китайцы, будучи представителями чужих империй, символизировали внешнюю угрозу, евреи же воспринимались как внутренняя угроза для социальной и экономической стабильности внутри страны. Эти три группы были во многом несхожи, однако военные чиновники, ответственные за успешную колонизацию региона до 1884 г., использовали по отношению к ним одну и ту же риторику: их право находиться на Дальнем Востоке определялось тем, насколько возможным представлялось их обрусение, отношением к их экономической деятельности и «пользой», которую они могли принести империи в качестве колонизаторов. Роднило все три категории еще и то, что все они существовали в правовом тумане: ясного статуса не было ни у тех, кто проживал в регионе задолго до прихода туда России, ни у тех, кто попал туда уже после начала колонизации. До тех пор, пока империя не переселила на Дальний Восток значительное число российских крестьян, «нежелательные» элементы оставались необходимой для освоения региона рабочей силой.

С 1850-х до 1880-х гг. Дальний Восток по большому счету представлял собой военный форпост с оживленным торговым портом во Владивостоке и административным центром, находящимся более чем в 4 000 км от него, – в Иркутске [Ремнев 2004; Matsuzato 2012]. Огромные пограничные территории у реки Амур впервые привлекли внимание российской обществу во время вспышки национального самосознания в 1840-х г. и после поражения Цинской империи в Опиумных войнах. Русские националисты стали рассматривать Дальний Восток как потенциальный Новый Свет России, называя его благословенным «русским Кентукки» [Bassin 1999, 10, 159]. Однако, получив его в свое пользование и немного осмотревшись, власти были глубоко разочарованы и мелководьем Амура, и трудным для жизни климатом, и недостаточно плодородной почвой [Matsuzato 2012, 327; Bassin 1999, 234–244]. Все вышеперечисленное вкупе с удаленностью региона от Европейской России побудило чиновников пойти на беспрецедентные меры, чтобы привлечь на Дальний Восток русских поселенцев. На заре колонизации Николай Муравьев-Амурский

степени мобильным, я использую оба термина – «переселенцы» и «мигранты» – как взаимозаменяемые. Также см. [Park 2019, XVII].

предложил свободу осужденным, отбывавшим каторгу в других частях Сибири, при условии, что они переедут в Приамурье и поселятся там в качестве земледельцев [Bassin, 1999, 234–244; Ремнев 2004, 210]. Задолго до того, как в 1880 г. государство разработало детальный план заселения остальной Сибири, оно смягчило законы о заселении Дальнего Востока, признав этот регион исключительным, и послало туда казаков в надежде на то, что те станут пионерами колонизации [Treadgold 1957, 69–70; Ремнев 2010, 55–56; Park 2019, 158].

До 1880-х гг. колонизаторские инициативы империи на Дальнем Востоке заканчивались в большинстве своем провалом. Чтобы стимулировать заселение региона, в 1861 г. был разработан закон, по которому и российским подданным, и иностранцам раздавались щедрые земельные наделы. Крестьянам государство оплачивало расходы на переезд и освобождало их от уплаты налогов и воинской службы, но само по себе путешествие на Дальний Восток было столь долгим и было сопряжено с такими трудностями, что немногие на него решались⁴. Случалось, что кто-то умирал в пути. Это становилось известно и еще больше отпугивало потенциальных переселенцев [Treadgold 1957, 69–70; Унтербергер 1900, 65–72; Park 2019, 158–159]. В 1869 г., вскоре после присоединения Дальнего Востока, власти возвели на острове Сахалин колонию и начали ссылать туда преступников [Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1913, 68]. Отбыв срок, такие люди, как правило, оставались жить на Дальнем Востоке, часто только потому, что не имели средств на дорогу домой [Унтербергер 1900, 118]. Казаки, которые по замыслу властей должны были и выполнять функции солдат военных гарнизонов, и заниматься сельским хозяйством, надежд империи не оправдали. В подробном описании своей поездки по Уссурийскому краю в 1867–1869 гг. географ и путешественник Николай Михайлович Пржевальский отмечает, что местное население, включая около 5 000 казаков (многие из которых были насильно переселены сюда из Забайкалья), представляет собой жалкое зрелище: нищета, болезни, «самый гнусный разврат и апатия ко всякому честному труду» [Пржевальский 1870, 29–30].

Муравьев-Амурский и последующие военные губернаторы считали, что для оптимального развития региона необходимо надежное оседлое население. Географы, путешественники и отдельные местные чиновники с плохо скрываемым недовольством констатировали, что привлечение переселенцев и мигрантов из Восточной Азии является одним из

---

⁴ По свидетельству Пржевальского, путь по суше из Европейской России до Амура занимал от двух до трех лет, и у большинства крестьян просто заканчивались средства, прежде чем они добирались до пункта назначения. Он рекомендовал переправлять крестьян на Дальний Восток по морю – что правительство и начало делать спустя примерно десять лет [Пржевальский 1870, 291–292].

возможных решений. Отсутствие пограничной полиции не позволяло российской администрации регулировать приток людей в регион, и, начиная с 1860 г., туда хлынули тысячи корейцев и китайцев [Унтербергер 1900, 111], приумножив восточноазиатское население, перешедшее под юрисдикцию России в результате аннексии⁵. Китайские поселенцы были особенно многочисленны и экономически активны в Уссурийском крае и портовом Владивостоке. Корейцы немного уступали им на этих территориях, но населяли и другие районы, в частности, бухту Посъет, вплотную граничившую с Кореей [Шрейдер 1897, 12]. Оценки численности дальневосточных поселенцев из Восточной Азии в первые два десятилетия российской колонизации существенно разнятся: по одним подсчетам – около 7 000 корейцев и 9 000 китайцев, по другим – десятки тысяч и тех, и других: завышенные оценки, скорее всего, объяснялись предвзятостью наблюдателей: у страха, как известно, глаза велики. С подсчетом корейцев у чиновников были трудности, поскольку далеко не все они становились оседлыми – часть постоянно мигрировала между городами и селами. С аналогичной проблемой власти столкнулись и при подсчете китайцев, миграционное и экономическое поведение которых было им вновинку: многие пришельцы из империи Цин валили и обрабатывали лес, другие занимались торговлей, переходя из одной местности в другую. Трудно было не только определить их численность, но и отличить поселенцев от мигрантов⁶.

И сторонние наблюдатели, и чиновники подчеркивали различия между китайцами и корейцами, отдавая предпочтение последним как более надежным и полезным колонизаторам. Такая дифференциация очевидна, в частности, в путевых записках Пржевальского: «В своем домашнем быту корейцы... отличаются трудолюбием, особенно чистотой,

---

⁵ В отчетах военных чиновников и записках путешественников китайские поселенцы часто обозначаются словом «манза». По словам историка Сергея Глебова, так монгольские чиновники презрительно называли коренное китайское население Маньчжурии и Монголии, со временем этот термин перекочевал на российский Дальний Восток, где стал применяться ко всем китайцам как официальными лицами, так и обычными жителями региона [Glebov 2017, 95]. См. также [Шрейдер 1897, 12].

⁶ Пржевальский различал китайских поселенцев и поденщиков, оценивая оседлое китайское население по состоянию на 1870 г. в 4–5000 человек. Шрейдер же писал, что к 1880 г. в регионе проживало 6 000 корейских поселенцев. В 1898 г. Унтербергер говорил о 7 000 корейских поселенцев и 23 000 корейских мигрантов. Согласно антикорейски настроенному Аносову (1928) численность корейских мигрантов оценить невозможно, так как многие попадали в Россию нелегально; тем не менее он привел примерные оценки: 23 000 корейцев в 1898 г., 27 000 – в 1899-м и 32 298 – в 1901 г. Более детальную демографическую статистику см. в [Унтербергер 1912; Колбасенко 1899; Кабузан 1983; Обзор Приморской области Владивосток, по годам 1876–1916].

что совершенно противоположно китайским манзам, грязным донельзя. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте» [Пржевальский 1870, 105, 108]. В опубликованном в 1900 г. статистическом очерке «Приморская область, 1856–1898» тогдашний генерал-губернатор признавал важную роль корейцев в первые десятилетия колонизации: благодаря корейским колониям сельхозпродукции стало больше, и цены на нее, соответственно, снизились [Унтербергер 1900; Park 2019, 115]. В своих путевых записках, красноречиво озаглавленных «Наш Дальний Восток», Шрейдер называет корейцев «первыми пионерами-колонизаторами Южно-Уссурийского края» [Шрейдер 1897, 175].

Если верить официальным документам и тревелогам конца XIX – начала XX вв., корейские переселенцы прибыли на Дальний Восток, спасаясь от голода, поразившего их страну. Российские власти встретили их «благожелательно» и «с полным сочувствием». Правительство охотно давало им землю, рассчитывая, что они «сделаются полезным элементом для заселения края» [Пржевальский 1870, 105–106; Шрейдер 1897, 176; Унтербергер 1900; Унтербергер 1912; Аносов 1928]. Следует, впрочем, учитывать ретроспективность подобных благодушных нарративов. В действительности российская военная администрация, признавая необходимость корейских колоний, уже в 1870-х гг. начала проявлять беспокойство в связи с большими скоплениями корейцев вблизи границы и заставлять корейских земледельцев переселяться вглубь региона [Park 2019, 115; Унтербергер 1900, 189; Приамурские ведомости 1894, 8–9].

Китайские поселенцы казались властям не менее необходимыми, чем корейцы, но гораздо более ненадежными. Экономическая ниша, которую заняли китайцы на Дальнем Востоке, во многом была сродни той, что занимали евреи в черте оседлости у западных рубежей державы: мелкая торговля и коммерция. Так, например, в 1897 г. во Владивостоке насчитывалось 3 500 китайских и только 1 240 русских торговцев, при том что в городе проживало около 16 000 русских и только 10 000 китайцев⁷. Так же, как евреи на западных окраинах, своими успехами дальневосточные китайцы были во многом обязаны этнической солидарности и механизмам взаимного кредитования [Kahan 1986, 11–12; Позняк 2010, 206]. Китайское население состояло в основном из мужчин: помимо торговли, они занимались ремеслами и участвовали в железнодорожных работах [Seigelbaum 1978, Hsu 2006]. Многие промышляли неофициальной добычей золота и последующей нелегальной торговлей, особенно распространенной на берегах Амура. Власти не могли контролировать

⁷ Статистика приведена в [Sorokina 1999] и цитируется в [Park, 2019]. Официальный ежегодный «Обзор...» приводил следующие оценки населения Владивостока за 1897 г.: русских – 12 401 мужчина и 3 517 женщин; китайцев – 10 121 мужчина и только 60 женщин [Обзор Приморской области за 1897 год].

китайских старателей и все больше укреплялись в своих опасениях относительно того, что китайцы являются неблагонадежными мигрантами [Унтербергер 1900, 189; Glebov 2017, 105; Боголюбский 1886].

По численности еврейские мигранты на Амуре и в Приамурье не могли соперничать с китайцами или корейцами. Большинству евреев было запрещено проживать в Сибири и на Дальнем Востоке, хотя несколько сот (возможно, до тысячи или больше) евреев из европейской части России все же поселились в Приамурье в первые два десятилетия российской колонизации. Многие поначалу нелегально селились в Сибири, а позже перебирались на восток. Незначительное меньшинство евреев имело право поселиться в регионе, не нарушая закон: это были представители тех категорий, которые после Великих реформ получили особое разрешение проживать вне черты оседлости [Натанс 2007, 61–100]. Среди еврейского населения Сибири был еще один сегмент, к которому реформы не имели отношения: ссыльные и каторжники. Часть самых первых поселенцев на востоке состояла именно из них [Кальмина 2005, 3–8]. Как и каторжане других религиозных конфессий и сословий, после окончания срока (а порой и не дожидаясь его) они перемещались в другие районы Сибири, где многие из них оседали. Их потомки в городах и селах Сибири обеспечили рост еврейского населения к востоку от Урала [Wood 1999, 123; Кальмина 2003а, 41–46; Романова 2001, 19–35]⁸.

Политика дальневосточных властей по отношению к евреям базировалась на тех же принципах, что и на западных окраинах. В 1860 г. Сенат запретил евреям, включая бывших каторжан и ссыльных, селиться ближе, чем в ста верстах от границы с Цинской империей [Белковский 1905, 49]. Этот закон, повторяя аналогичное ограничение на западе (евреям запрещалось селиться не ближе, чем в 50 верстах от западной границы), на практике давал волю местным чиновникам изгонять евреев из региона, когда заблагорассудится [Кальмина 2003b]. В обоих случаях ограничения были основаны на уверенности властей в том, что, проживая рядом с границей, евреи будут заниматься контрабандой товаров на западе и золота на востоке. Министерство финансов, занимавшееся проблемой контрабанды, так и объясняло новую ограничительную меру: «В силу того соображения, что, если она признана нужной в одной губернии, то по тем же причинам она может быть необходима и в других губерниях» [Белковский 1905, 49–50].

⁸ По закону о детях еврейских преступников, только детям до пяти лет давалось разрешение на жительство в регионе. См. [Восход 1889]. В 1909 г. статья в газете «Идише тогблат» об истории российской колонизации Сибири отмечала: «...разумеется, евреи в Сибири родом не из Вильны». Описывая феномен получения права на жительство в Сибири детьми еврейских преступников, автор с иронией употребил религиозный термин «зхус овес» (букв. «за заслуги отцов», т. е. библейских патриархов и других праведников) [Yidishe Togblat 1909, 8].

Помимо торговли, евреи Приамурья, как и китайские поселенцы, работали на золотых приисках и в ремесленных мастерских [Кальмина 2003а, 237–265; 2016, 25–32; Романова 2001, 32, 45; Белковский 1905, 12]. Торговцев, перемещавшихся между населенными пунктами, было труднее контролировать, и среди них могло быть больше нелегальных мигрантов [Белковский 1905, 64–66]. Особенно «трагическим» – как описано в более поздней статье на идише – было положение еврейских преступников, приписанных к деревням, поскольку евреи «не склонны к земледелию и к сельскому образу жизни в целом» [Der Fraynd 1904, 1]. Число евреев, подававших ходатайства о разрешении на переезд, побудило дальневосточную администрацию обратиться в Министерство внутренних дел, при этом подчеркивалась трудность контроля нелегальных передвижений евреев, на что был получен ответ: «...если пожелают избрать другое место для жительства, могут воспользоваться этим правом лишь в черте постоянной еврейской оседлости» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1753. Л. 12–13].

Еврейскому этнографу и идишскому писателю Якову Лещинскому еврейская община Сибири показалась столь малочисленной (особенно в сравнении с еврейским населением черты), что даже не заслуживала отдельного анализа [Lestchinsky 1922, 84]. Численность евреев на Дальнем Востоке оценить трудно. В путевых заметках и мемуарах встречаются отдельные упоминания о евреях, но никто из авторов даже не пытался приводить какие-то цифры, как это делалось в случае китайцев или корейцев. Согласно всероссийской переписи населения 1897 г., в Приамурье проживало около 2 000 евреев, включая отставных солдат, ремесленников и торговцев – 0,8% от общего населения региона, насчитывавшего 223 336 человек [Первая всеобщая перепись 1905, 6, 60, 137]. Разумеется, отдельные еврейские купцы, особенно в Восточной Сибири, были важны для экономического развития региона, однако основной рабочей силой были восточноазиаты: корейские земледельцы, китайские торговцы и поденщики. Изредка источники также упоминают китайцев на Дальнем Востоке как посредническое меньшинство. Одессит Шрейдер по итогам своего путешествия писал, что китаец для региона – это «всё»: «Он прислуга, он и ремесленник, и огородник, и мясоторговец, и фактор, комиссионер, подрядчик, лавочник, земледелец, пахарь – словом, все, что угодно» [Шрейдер 1897, 49].

Дискурс об иностранном труде на Дальнем Востоке после учреждения Приамурского генерал-губернаторства: 1884–1910

В 1884 г., спустя почти тридцать лет после присоединения Россией территории, пролегающей вдоль Амура, регион был официально отделен

от Восточной Сибири и стал Приамурским генерал-губернаторством, во главе которого был поставлен барон А. Н. Корф (1831–1893) [Ремнев 2004, 281; Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913]⁹. Корф был полон решимости реализовать давнюю имперскую мечту, создав в регионе русскую колонию из крестьян европейской части России. Проблема состояла, однако, в том, что экономика Приамурья во многом зависела от иностранной рабочей силы, капитала и земледельцев.¹⁰ Чтобы навести порядок, Корф начал разрабатывать шкалу «иностранности», учитывая возможность контролировать экономическую деятельность конкретной группы и вероятность ее дальнейшей ассимиляции. Несмотря на то, что число евреев на российском Дальнем Востоке было крошечным в сравнении с корейским и китайским населением, еврейский вопрос был первым из серии «вопросов», которые Корф намеревался решить, как и так называемый желтый вопрос¹¹. Оба вопроса сводились к неоднозначному правовому положению евреев, китайцев и корейцев на Дальнем Востоке, что, в свою очередь, было следствием отсутствия внятного статуса самого региона с 1858-го до 1884 г., когда империя взялась за его реорганизацию.

Новые административные границы на Дальнем Востоке были очерчены в 1884 г., примерно в то же время, когда империя после продолжительной экспансии и военных кампаний в Средней Азии перестраивала конфигурацию всех своих азиатских территорий¹². По мнению Анатолия Ремнева, учреждение новых административных единиц и отделение Дальнего Востока от остальной Сибири было политическим творчеством местных губернаторов, не всегда учитывавших социально-экономические и прочие особенности индивидуальных областей. Ремнев выделил четыре этапа имперской политики в азиатской части России: первый – присоединение территории; второй – перенос региональных административных центров или создание новых; третий – искусственное административное деление и насаждение имперской инфраструктуры,

⁹ Новое генерал-губернаторство включало в себя те части Забайкалья, которые в 1906 г. были административно отнесены к Восточной Сибири. В настоящей статье рассматривается только Приамурье.

¹⁰ Одессит Шрейдер писал о том, что уже в первые дни его путешествия по Уссурийскому краю русские поселенцы говорили ему о своей абсолютной зависимости от китайцев: «Не будь манзы..., мы все перемерли бы здесь с голоду» [Шрейдер 1897, 49].

¹¹ Подробнее см. в «Программе совещания съезда губернаторов Приморского края в Хабаровске в 1885 г.», цит. в [Ремнев 2004, 284–285]; также см. итоги съезда в [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885]. О политическом значении «вопросов» во времена социальной и политической нестабильности см. [Case, 2018].

¹² В отличие от Ремнева и Бэссина (Bassin), которые считали, что причиной тридцати лет бездействия имперских властей на Дальнем Востоке была неповоротливость бюрократической машины, Мацузато [Matsuzato 2012] убежден, что оно было вызвано военными кампаниями в Средней Азии. Также см. [Morrison 2020].

а также установление контроля над коренными жителями и пришлым населением и, наконец, четвертый – имперское «поглощение» [Ремнев 2004, 15–17]. С 1990-х гг. историки, заимствуя идеи постколониального дискурса, рассматривали Российскую империю как страну, подобную морским империям Европы [Morrison 2012b]. Один из самых спорных моментов такого подхода состоит в том, что он не учитывает российское «управление инаковости». Историки утверждают, что в российском контексте границы между «колонизаторами» и «колонируемыми» были более размыты и что Россия не занималась «строгой регламентацией расовых и цивилизационных границ», как это делали западные империи. Но если рассматривать такие территории, как Средняя Азия и, возможно, Дальний Восток, то оказывается, что в действительности Россия имела немало общего с империями Запада [Morrison 2012a].

Учреждение генерал-губернаторства ознаменовало «третий этап» (в терминологии Ремнева) эволюции российской политики на Дальнем Востоке. В 1885 г., вскоре после того как Хабаровск был объявлен новым административным центром, Корф организовал там первое из серии совещаний, на которые приглашал местных чиновников, промышленников и купцов, чтобы определить социальные, политические и экономические проблемы нового «края» и найти пути их решения, позволяющие интегрировать регион во всероссийское национальное целое [Унтербергер 1900, 247–264; Белковский 1905, 63–66; Ремнев 2004, 283]. Одной из наиболее неотложных проблем Корф считал опасное скопление в регионе иностранцев, местных инородцев и других нерусских.

В программе совещания Корф поставил вопрос о том, насколько «желательно или возможно» присутствие в Приамурье китайцев, корейцев и евреев как постоянных жителей или временных поселенцев, и о том, какие права следует им дать. В отличие от корейцев, в 1885 г. еще не получивших российского подданства, и китайцев, которые пользовались экстерриториальностью¹³, евреи являлись российскими подданными (пусть и с ограниченной свободой передвижения), что не помешало Корфу объединить все три группы в одну рубрику. Взгляды Корфа на еврейских подданных России как на внутренних «других» выражались в том, что он объединял их с иностранными подданными и обсуждал в тех же терминах, хотя и не называл евреев напрямую иностранцами¹⁴.

¹³ «Программа совещания на съезде губернаторов Приморского края в Хабаровске в 1885 г.», цит. по [Ремнев 2004, 284–285]. О китайской экстерриториальности см. [Glebov 2017]. Норвежский исследователь Фритьоф Нансен отмечал, что по договору Россия была обязана выдавать китайских правонарушителей китайским властям [Nansen 1914, 365].

¹⁴ Организация переписей населения также является способом классификации населения. В годовых обзорах по Приамурской области, а также в данных о населении в отчетах генерал-губернатора евреи включались в число иностранных

Степень «нежелательности» каждой группы Корф определял, во-первых, опираясь на колониальный дискурс, утверждавший превосходство европейской культуры и ставивший восточноазиатов и евреев на более низкую ступень цивилизационной лестницы; во-вторых, оценивая потенциальную пользу той или иной категории населения для местной экономики. Идеология «полезного» труда, в которой экономическая деятельность, связанная с сельским хозяйством и промышленностью, ценится выше, чем торговля и коммерция, была чрезвычайно распространена в среде российских чиновников, что имело социальные и политические последствия, в особенности для евреев¹⁵. И цивилизационная иерархия, и риторика полезности видны уже в опубликованной Корфом программе совещания, в которой он сформулировал еврейский и «желтый» вопросы в Приамурье [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885].

«Край только начинает заселяться», – писал Корф, – «[но] уже имеет чрезвычайно разноплеменное население». Китайцев и корейцев он рассматривал в первую очередь как экономическую угрозу для коренных жителей региона и прибывающих русских поселенцев¹⁶. Восточноазиатам и евреям генерал-губернатор противопоставлял, с одной стороны, «русских» (включая украинцев и белорусов), а с другой – «инородцев», то есть представителей коренных народностей региона, таких как, например, ороконы.

Оценивая желательность присутствия китайцев и корейцев в регионе с экономической точки зрения, Корф использовал подход «за и против». Китайские мигранты, «казалось бы, желательны для нашего края, столь нуждающегося в рабочих руках». Их «полезность», впрочем, нивелируется невозможностью их ассимилировать:

исповеданий так же, как старообрядцы и протестанты, в то время как корейцы, китайцы и японцы определялись как иностранцы, наряду с российскими подданными и коренными народами. После 1891 г. корейцы появлялись под двумя рубриками: российские подданные и иностранцы.

¹⁵ Янни Коцонис (Yanni Kotsonis), обсуждая кредитные кооперативы, называет эту распространенную имперскую идеологию «трудовым принципом»: крестьяне признавались достойными кредита, даже без уплаты депозита, поскольку имели потенциал как земледельцы. Все население, таким образом, разделялось на «производителей» и «непроизводителей» [Kotsonis 1999, 42]. «Трудовой принцип» перекликается с «многовековой», по выражению Кагана, идеей о евреях как «непроизводителях», которую он возводит к физиократам [Kahan 1986, 43]. О панъевропейских идеях, касающихся евреев и производительного труда, см. также [Penslar 2001].

¹⁶ Несмотря на то, что Сибирь и Дальний Восток часто считались «пустыми» землями, в действительности они были населены разнообразными коренными племенами. По словам Юрия Слезкина, в российской культурной репрезентации Сибири всегда сосуществовали две реальности: Сибирь одновременно представлялась «и как пугающее сердце тьмы, и как чудесный край изобилия. Далекий и, как видится, бескрайний» [Diment and Slezkin 1993, 2].

Но китайцы никогда не ассимилируются. Куда бы не являлись китайцы, они всюду вносят свой культ, свое мировоззрение и даже свой суд; их сплоченность и высокое мнение о своем прошлом препятствуют слиянию с русскими, поэтому, куда бы они не явились, *составляют как бы государство в государстве*, что в особенности опасно в Приамурском крае, тянущемся на 5 т. верст вдоль государственной китайской границы [Съезд губернаторов Приамурского края, 1885] (курсив мой – Т.Б.)

Примечательно, что Корф здесь применил к китайцам формулу «государство в государстве», которой чиновники любили описывать евреев. Сам термин получил распространение после публикации «Книги Кагала» Якова Брафмана (1869), где говорилось об угрозе, которую таят автономные общинные институты евреев [Rogger 1986, 71; Klier 1995, 263–283].

Когда речь зашла о корейцах, Корф заявил, что когда-то, на заре колонизации, они были полезны как земледельцы, но теперь, после 1884 г., необходимо контролировать их численность и сокращать их права на землевладение, чтобы освободить землю для русских поселенцев. По мнению Корфа, корейцы по характеру своему «слабосильны» и к земле относятся хищнически, эксплуатируя ее до такой степени, что «на ней перестает родиться даже трава». Кроме того, корейцы слишком подвержены влиянию китайцев и китайских товаров, что также препятствует их обрусению.

Евреев, последнюю группу «чужих», Корф обрисовал еще менее желательным элементом, чем корейцев и китайцев. Если в случае корейцев и китайцев Корф все же находит золотую середину между их вкладом в экономику и потенциальной угрозой от них, о какой бы то ни было экономической деятельности евреев он не упоминает вовсе:

Евреи на Амуре, как и везде, занимаются только эксплуатацией местного населения. Они всегда сумеют изыскать средство обойти закон и тем вносят деморализацию. На юге России эксплуататорство евреев довело мирного русского крестьянина до того, что он возмутился против них¹⁷. Отдавать новый край еврею, этому всемирному эксплуататору, не следует; а потому не только постоянное, но и временное пребывание евреям должно быть воспрещено. Правилу этому должны подвергаться также и отставные солдаты из евреев [Съезд губернаторов Приамурского края 1885, 7].

В 1860 г. евреи были признаны полезными колонизаторами, наравне с корейцами и китайцами: относительно либеральный (по сравнению с Корфом) Муравьев-Амурский даже специально просил разрешить евреям селиться на Дальнем Востоке, чтобы помочь развитию региона

¹⁷ Корф имеет в виду погромы 1881–1882 гг.

[Романова 2001, 29]. Корф, однако, не рассматривал евреев как полезных колонизаторов. Игнорируя тот факт, что евреи являлись российскими подданными к 1885 г., он рекомендовал полностью запретить их пребывание в регионе, при этом признавая присутствие в нем иностранцев – китайцев и корейцев – терпимым, хотя и ограничивая его. Необходимо также учитывать, что еврейские поселенцы были немногочисленны, и технически Корф вполне мог бы изгнать из Приамурья их всех, включая отставных солдат, которые имели законное право там проживать. Выслать же китайцев и корейцев представлялось практически невозможным, учитывая близость обеих империй к российскому Дальнему Востоку и нерегулируемое перемещение их населения через границу в условиях неразвитой пограничной патрульной и полицейской инфраструктуры.

При всех различиях в подходах к управлению корейцами, китайцами и евреями Корф подчеркивает, что все три категории населения опасны для экономики и культуры региона, и все три являются в той или иной мере эксплуататорами. Представление о евреях как паразитах и эксплуататорах имело в Российской империи долгую историю, отчасти из-за их доминирования в торговле и коммерции в Западном крае [Rogger 1985, Klier 1995]. Корейцы, хотя их труд признавался «полезным», считались эксплуататорами из-за их методов ведения сельского хозяйства. Местные чиновники неоднократно называли корейцев, а заодно и китайцев, хищниками, а их практики – как на земле, так и в лесу – экономической и экологической угрозой [Sokolsky 2014]. О разрушительной для природы деятельности китайских мигрантов упоминал, в частности, Пржевальский в 1870 г. «Китайцы на Дальнем Востоке, – писал он, – вырубают дубовые деревья, чтобы собирать грибы, что в будущем может привести к полному уничтожению лесов» [Пржевальский 1870, 80–93].

Корф выражал беспокойство по поводу неспособности китайцев и корейцев ассимилироваться, но вопросом о том, обладают ли ассимиляционным потенциалом евреи, даже не задавался. На самом же деле евреи Сибири и Дальнего Востока в целом были ассимилированы значительно больше, чем их единоверцы в черте оседлости. Как и евреи в Западной и Восточной Сибири, еврейские мигранты и поселенцы на Дальнем Востоке были сильно «русифицированы». Например, автор статьи в идишской газете «Дер фрайнд» в 1904 г. сетует, что сибирские евреи во многом отошли от соблюдения религиозных предписаний. Они работают в субботу, почти не исполняют заповеди, не следуют обычаям и почти не говорят на идише – все потому, что сибирские условия «вынудили их ассимилироваться»¹⁸. Тем не менее в глазах властей ассимиляция евреев

¹⁸ В качестве иллюстрации отхода сибирских евреев от традиций предков автор пересказывает свой разговор с местной еврейской женщиной. Он спросил ее,

не сделала их желательными колонизаторами. Если более либеральная администрация 1860 г. ратовала за обрусение евреев, то для реакционного режима Александра III оно уже не стояло на повестке дня [Klier 1995; Rogger 1986].

Из комментариев Корфа можно заключить, что евреям отказывали в способности ассимилироваться не столько в силу их культурной или языковой «инаковости», сколько из-за их экономической деятельности и приписываемой им склонности эксплуатировать местное население, где бы они ни оказались. В этой системе координат еврей по природе своей неассимилируем и потому всегда будет являться источником нестабильности [Гольдин 2011]. Погромы на юго-западе страны в начале 1880-х евреи сами спровоцировали, заявил Корф, по сути вторя царю и его министрам, которые связывали антиеврейские выступления с экономической деятельностью евреев [Rogger 1986, Klier 1995]. Из слов Корфа также следовало, что заселение Дальнего Востока евреями было несовместимо с имперским планом сделать регион русским и стабильным, ведь присутствие евреев неминуемо приведет к беспорядкам.

Беспокойство по поводу поведения евреев по отношению к местному населению нарастало по мере интенсивного переселения на Дальний Восток русских крестьян, большинство из которых прибывало по морю из Одессы [Буссе 1896]. Начавшаяся в 1880-х гг. массовая крестьянская миграция из Европейской России, по оценкам некоторых исследователей, стала одним из самых успешных переселенческих проектов империи [Glebov 2020; Ремнев 2004]. В период с 1883 по 1899 г. в Приамурье появились десятки тысяч русских крестьян [Nansen 1914, 360; Унтербергер 1912; Кабузан 1983, 61–99, 227–229], и китайские и корейские иностранцы, ранее считавшиеся необходимыми для экономики региона, стали превращаться исключительно в угрозу. На совещании 1885 г. Корф говорил о восточноазиатах в расовых терминах, противопоставляя китайского мигранта «белому рабочему» из России. Корф, а после него и следующий генерал-губернатор П. С. Унтербергер (1842–1921) неоднократно подчеркивали, что только имея в регионе большое количество переселенцев из Европейской России, можно противостоять восточноазиатскому натиску: «Нам важно иметь коренное русское население для оплота и противовеса мирному нашествию к нам желтой расы» [Унтербергер 1900, 114].

В такой атмосфере китайцы стали восприниматься, по выражению Сергея Глебова, своего рода «дальневосточными евреями». В среде русских переселенцев проводились открытые параллели между евреями

используют ли они *хошанос* в день Хошана Раба. Когда та не поняла вопроса, он в шутку объяснил, что *хошанос* – это разновидность *креплах* (традиционное блюдо восточноевропейских евреев). К превеликому его изумлению, она поверила [Der Fraynd 1904, 1].

и китайцами. Газета «Владивосток» опубликовала корреспонденцию, которая описывала китайцев как «наших местных гешефтмахеров, нещадно нас эксплуатирующих»: идишское слово «гешефтмахер» (торгаш) подчеркивало аналогию между эксплуататорами-евреями западных приграничных областей и эксплуататорами-китайцами на Дальнем Востоке [Владивосток, 1884; цит. по: Glebov 2017, 114]. Другая статья в том же издании намекала на то, что «местные жидо-манзы» торгуют, сильно завышая цены. В официальном докладе 1893 г. били тревогу, утверждая, что китайские предприниматели становятся «таким же пауком, как евреи в Европейской России» [цит. по: Glebov 2017, 114]. Аналогии между китайцами и евреями возникали еще и потому, что обе группы занимали одну и ту же социально-экономическую нишу. Антикитайские настроения не ограничивались одной риторикой: в 1900 г. в Приамурье произошли погромы, тысячи китайцев были убиты, большинство из них в Благовещенске [Дятлов, Гузей, Сорокина 2020]. Имперская идеология продолжала разделять корейцев и китайцев: корейцы, прибывшие в регион до 1884 г., в 1891 г. получили российское подданство, с китайцами же такого не случилось. Отчет о корейском вопросе 1899 г. пытался вывести корейцев из области «желтого вопроса»: «В желтом вопросе корейцы занимают особое место» [цит. по: Песоцкий и др. 1911, 96].

После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. отношение к иностранцам, особенно к восточноазиатам, стало еще более настороженным. После революции 1905 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин попытался реализовать национальный проект колонизации Дальнего Востока (то есть заселение его русским крестьянством), надеясь, что, получив щедрые земельные наделы на востоке империи, крестьяне прекратят беспорядки в Центральной России [Glebov 2020; Ascher 2002]. В 1908 г. в своем обращении к Думе он произнес: «Мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке». Он говорил о «просачивании» на Дальний Восток значительного нерусского населения, которое, если ему не противостоять, грозит наводнить всю империю, пока Российское государство не останется «русским только по названию» [Из речи П. А. Столыпина 1908].

Тон становился более враждебным и по отношению к корейцам. Несмотря на то, что им была предоставлена возможность принять правослаvie и получить российское подданство – во многом в знак признания их «полезности» как земледельцев, корейцев постоянно обвиняли в экономической эксплуатации и паразитизме, хотя они и не занимались торговлей, как евреи и китайцы. В духе риторики, введенной Корфом в 1885 г., корейцев обвиняли в эксплуатации из-за их сельскохозяйственных практик. Так, доклад 1910 г. описывал корейцев как «особый вид земледельца-хищника» и отделял их от остальных российских подданных: «...разделение на [корейских] русско-подданных и [корейских]

иностранно-подданных существует только на бумаге» [цит. по: Песоцкий и др. 1911, 100–101].

В другом докладе 1910 г. чиновник утверждал, что нашествие «корейцев в нашу далекую окраину приняло эпидемический характер». Деятельность их на земле и в лесах крайне разрушительна: «...те места, где корейцы поселились, быстро обезлесиваются, так как кореец охотно переходит на новые и новые места, уничтожая для распашки лес, предварительно его выжигая». Для усиления риторического эффекта автор провел прямую параллель между паразитами-корейцами и вечными эксплуататорами-евреями, вольно пересказывая библейскую историю о египетском рабстве израильтян, которое закончилось якобы следующим:

Посьетский участок, с заселением его корейцами, печальный исторический факт, похожий на тот, когда евреи переселились в Египет и не ассимилировались: египтянам евреи почти ничего не оставили, кроме опустошенной земли; то же повторяется здесь с корейцами. После лишения корейцев земли они превратятся из земледельцев в новый вид желтолицых «жидов», вид еще более страшный [цит. по: Песоцкий и др. 1911–1913, 110].

Подобно евреям в этой псевдобиблейской истории, корейцы выжмут из дальневосточной земли все соки, загубят ее, а потом отправятся в другую. Различия между двумя группами стираются (ср. «желтолицые жиды»): и корейцы, и евреи опасны для империи из-за своей неоседлости и экономического поведения, и на Дальнем Востоке им не должно быть места.

От периферии к центру: правовой статус корейцев, китайцев и евреев в Приамурском крае (1885–1911)

Удаленность Приамурья от имперского центра давала местному руководству определенную степень автономии в вопросах законодательного регулирования прав на проживание в регионе иностранцев и нерусских. Доставка писем из Хабаровска в Петербург занимала месяцы, а ответы сначала долго обсуждались и согласовывались в столице, а уже затем отправлялись в Хабаровск. По утверждению одного историка, в контексте Восточной Сибири подобное положение дел привело к тому, что решение даже таких сложных вопросов, как судьба незаконных еврейских поселенцев, почти целиком зависело от личности и политических пристрастий генерал-губернаторов. Одни строго следовали директивам имперского центра, другие позволяли себе отклоняться от генеральной линии [Кальмина 2020]. Не все внутриминистерские обсуждения выливались в результате в конкретные меры, однако они отчетливо демонстрируют,

каким образом центр рассматривал управление периферийными территориями, и показывают особую обеспокоенность царя и министров еврейской миграцией на восток империи и неконтролируемым ростом еврейского присутствия в Сибири и на Дальнем Востоке.

После совещания 1885 г. Корф напрямую обратился с запросом к Министерству внутренних дел, требуя прекратить отправку еврейских ссыльных на Дальний Восток. Документ остался без ответа, застряв в бюрократическом болоте на десять с лишним лет. Несмотря на то, что вопрос о праве жительства для евреев оставался открытым и после 1885 г., совещание имело осязаемые последствия для мигрантов из Восточной Азии: определенным категориям корейцев открылась дорога к российскому подданству, а китайские рабочие смогли получать временное разрешение на жительство. Решения, принятые Корфом после совещания, определяли положение в регионе иностранцев и нерусских народностей вплоть до 1911 г., когда на пост генерал-губернатора был назначен Н. Л. Гондатти, жесткая антиазиатская и антиеврейская политика которого также основывалась на идеологии Корфа: объем прав определялся полезностью той или иной группы для местной экономики и ее предрасположенностью к ассимиляции.

Вопреки опасениям по поводу китайских мигрантов и их неспособности ассимилироваться, Корф, исходя из соображений экономической целесообразности, предложил разрешить китайским мигрантам и рабочим временно селиться и трудиться в регионе «в силу необходимости», но без права приобретать во владение землю. Он ввел паспортную систему, которая требовала от китайских сезонных рабочих уплаты определенных сборов, что позволило бы регулировать их численность [Сорокина 2010, 185–186]¹⁹. Корейцам был предоставлен более широкий набор прав. Им Корф позволил и дальше заниматься сельским хозяйством и владеть землей, сам же тем временем продолжил политику местной администрации 1870-х гг. по выдавливанию корейских поселенцев из приграничных областей вглубь региона. В каком-то смысле меры против иностранцев начались еще до учреждения Приамурского генерал-губернаторства: если в 1860 г. земельные гранты раздавались и русским, и иностранцам, то после 1882 г. без проблем получить землю могли только русские, иностранцы же вынуждены были подавать специальные прошения и проходить через целый ряд согласований [Park 2019, 121; Унтербергер 1900, 72].

По инициативе Корфа в 1891 г. корейские поселенцы, основавшие земледельческие поселения на российском Дальнем Востоке до 1884 г., получили право стать подданными империи, те же, кто прибыл позже, рисковали быть депортированными, если не оплачивали специальную визу, позволявшую им находиться в России и работать на земле [Park

¹⁹ О динамике антикитайских мер см., напр. [Glebov 2020; Сорокина 2010].

2019, 119–120; Chang 2016, 13–15; Glebov 2020, 7]. В действительности чиновники не обладали точными данными о том, кто приехал до 1884 г., а кто после, что приводило к немалой путанице и шквалу жалоб и прошений. Вот, например, фрагмент статьи, посвященной селу Благодословенное (основано в 1870-х гг.): «Они [корейцы] тоже неоднократно обращались с просьбою о принятии их в русское подданство, заверяя, что давно потеряли всякую связь с родиною и не желают жить под иными порядками, как русскими. Разрешение на это не дано» [Приамурские ведомости 1894, 8–9]. В конце 1890-х многие корейцы, появившиеся в регионе после 1884 г., под угрозой депортации были согнаны со своих земельных участков – на их место пришли русские поселенцы [Аносов 1928; Glebov 2020, 7–8; Park 2019, 124–126; Приамурские ведомости 1894, 8–9; Chang 2016].

Политика местной администрации по отношению к евреям зачастую тоже была обусловлена текущей ситуацией. Когда Корф обращался в МВД с просьбой перестать ссылать евреев на Дальний Восток и позволить ему изгнать уже имеющихся, он апеллировал к «необходимости» скорейшего решения «еврейского вопроса в крае» ввиду «усиливающегося стремления евреев водвориться там в обход закона» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 1–3]. МВД запросило мнение Министерства юстиции, которое ответило отказом, отметив, что закон не допускает различий в исполнении наказания в зависимости от национальности преступника [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 24 об.]. Царская пенитенциарная система была одним из тех немногих институтов, где не существовало иерархий, регламентирующих жизнь остального общества. В тюрьмах вместе содержались заключенные разных конфессий [Тюремный вестник 1898, 142–143]²⁰.

Спустя несколько лет с аналогичным запросом в Петербург обратился преемник Корфа С. М. Духовский (1838–1901), и в течение долгого времени в коридорах центральной власти шло обсуждение – как ограничить присутствие евреев в регионе и какие меры следует принять [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758]. Духовский включил свой запрос в общий отчет за 1893–1895 гг. В начале документа он описывает свою растерянность, связанную с противоречивым правовым статусом евреев на Дальнем Востоке: «Весьма своеобразным представляется положение в Приамурском крае евреев... На основании устава о паспортах проезд из Европейской России и водворение в Сибирь евреев свободного состояния

---

²⁰ Генерал-губернаторы Дальнего Востока неоднократно обращались к имперскому правительству с прошениями перестать к ним преступников, поскольку те оказывают негативное воздействие на окружающее население и моральный облик региона [Кальмина 2020]. Большинство преступников, помимо прочего, были мужчины, что усиливало гендерный перекос в демографии Приамурья. Описывая систему ссылки, Джордж Кеннан рассказывал о своих встречах с Корфом и об усилиях последнего в том, чтобы добиться упразднения этой системы [Kennan 1891, 465].

воспрещены». Однако после ссылки евреи по закону имели право проживать на этой территории, как и другие ссыльные. Рассуждая о таком положении вещей, Духовский заметил, что «для приобретения права еврейской семьи водвориться в Приамурском крае глава этой семьи должен совершить преступление». Таким образом, еврейский преступник оказывается в «более привилегированном положении», чем еврей законопослушный [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4–4 об.]

В том же отчете Духовский отметил, что «между евреями все более являются желающие водвориться в новом крае, столь выгодном для всякого рода ремесла и промыслов», в связи с чем призвал МВД решить еврейский вопрос в Приамурье как можно скорее. Впрочем, он тут же констатировал, что «к сожалению, это возможно лишь после разрешения того же [еврейского] вопроса для всей Империи» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758, Л. 1, 4–4 об.]. Для Духовского, как ранее для Корфа, Приамурье – не заморская колония, а «часть метрополии», потому и «еврейский вопрос» на местном уровне являлся лишь частью того же вопроса для империи в целом²¹. Николай II, однако, трактовал ситуацию иначе. Когда ему переслали доклад Духовского, царь лично проинструктировал своих министров: «Вопрос о евреях в Сибири должен быть отделен от общего вопроса, иначе никогда не получит своего разрешения. С каждым годом Сибирь наводняется ими в возрастающем количестве!» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 1, 5–5 об.]. Комментарии монарха, таким образом, заставляли усомниться в том, что Приамурье действительно является частью российского национального целого.

Для решения «еврейского вопроса» на восточных рубежах МВД первым делом занялось сбором данных о еврейском населении Сибири и Дальнего Востока. В 1902 г. министерство разослало телеграммы в дальневосточные города и села, требуя от местных чиновников предоставить информацию о численности евреев, находящихся как легально, так и нелегально на вверенной им территории, а также о роде их занятий. Рапорт из Приамурского генерал-губернаторства был отправлен в феврале 1902 г., подписал его генерал от инфантерии Аркадий Семенович Беневский (1840–1914), помощник генерал-губернатора Николая Ивановича Гродекова (1843–1913). В рапорте содержались данные о численности и роде занятий населения региона, а также рекомендации прежних

²¹ Корф аргументировал свою позицию следующим образом: «Приамурский край, хотя отстоит от Европейской России за много тысяч верст, тем не менее не есть колония, а представляет из себя часть метрополии, с которой он связан сухим путем, и не подходит под категорию колоний потому, что колония, по отношению к метрополии, служит ареной или местом сбыта произведений метрополии, составляющих излишек потребления внутри страны, и имеет всегда более или менее независимое от метрополии управление; но к Приамурскому краю это неприменимо» [Съезд губернаторов Приамурского края 1885, 2].

генерал-губернаторов. В Приамурье, по официальным данным, находились 1 000 евреев, 25 из которых имели недвижимое имущество и проживали в регионе двадцать и более лет [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758, л. 166–167].

В рапорте излагались и соображения Духовского по поводу еврейского капитала и участия евреев в золотодобывающей промышленности Приамурья:

...с одной стороны, некоторые предприимчивые еврейские капиталисты и искусные ремесленники могли бы содействовать торгово-промышленному развитию края, так нуждающегося в капиталах <...>, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на ту опасность, которая предстоит для молодого края от наводнения его еврейским элементом, падшим к наживе и весьма неустойчивым в нравственном отношении. Опасность эта усугубляется существованием в крае такой приманки для евреев, как золотопромышленность, представляющая широкое поле для всевозможных злоупотреблений во вред казне и частным лицам... [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4 об.].

Это было сказано несмотря на то, что, согласно официальной статистике за 1902 г., на золотых приисках работали всего два еврея. Тем не менее Духовский рекомендовал запретить всем евреям селиться на Дальнем Востоке ввиду «трудности закрыть сухопутные и морские границы от проникновения контрабанды в область и склонности евреев к контрабандному промыслу» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 167 об.].

Духовский следовал логике своего предшественника: евреи на Дальнем Востоке – ассимилированные или нет – являются причиной для беспокойства из-за их экономического поведения, которое отличает их от остального населения²². Духовскому удалось выслать нескольких евреев с Дальнего Востока на основании закона, запрещающего евреям селиться вблизи границ, но дальше этого дело у него не пошло [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758.]. В 1902 г. он снова утверждал, что для решения еврейского вопроса в Приамурье необходимо позволить местным губернаторам высылать или переселять евреев, а всех еврейских ссыльных и преступников после окончания срока вывозить из Сибири под надзором полиции [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 169].

В 1911 г. ученый и генерал-губернатор Николай Гондатти воплотил свои антиеврейские и антиазиатские взгляды в полномасштабную кампанию, прославившись изречением «Дальний Восток должен быть русским и только для русских» [Ремнев 2004, 26, 441; Романова 2001, 81]. Как подробно излагает Романова в своем исследовании 2001 г., Гондатти

²² Схожий аргумент приводит Виктория Герасимова относительно Западной Сибири [Герасимова 2018].

использовал всю мощь данной ему власти для того, чтобы евреям было как можно труднее селиться на Дальнем Востоке. Он также прилагал усилия для изгнания из региона максимального числа китайцев [Романова 2001; Glebov 2020, 11]. После военных столкновений на границе с Цинской империей в начале XX в. российские чиновники с еще большими опасениями смотрели на китайское население. Исследователи предполагают, что власти не хотели видеть евреев на Дальнем Востоке в основном потому, что не могли их адекватно контролировать, не имея для этого достаточного полицейского и административного ресурса [Кальмина 2003а, 78–80; Романова 2001]. На самом деле та же проблема была у империи и с контролем притока населения из соседних империй: между 1906 и 1910 гг. на российский Дальний Восток прибыли более полумиллиона китайцев и корейцев [Park 2019, 2]. Несмотря на то, что демографическая статистика в ежегодниках «Приамурский обзор» противоречива и не учитывает, в частности, сезонных китайских рабочих, она показывает стабильное уменьшение еврейского населения на фоне прироста населения русского, китайского и корейского. В 1899 г. «Обзор...» оценил количество «русских» в регионе в 60% от общего населения. К 1905 г. этот показатель вырос еще на 10%, а к 1913 г. в Приамурье насчитывалось уже около 450 000 «русских», то есть 73% населения. Численность корейцев (российских подданных и иностранцев суммарно) в те годы сохранялась на отметке 10%, а китайское население колебалось между 8% и 11%. Еврейское население тем временем последовательно уменьшалось примерно на 0,1% в год: от 0,6% в 1898 г. к 0,3% в 1900 г., к 0,2% в 1905 г. и до 0,1% в 1910 и 1913 гг.

Заключение

Присоединив Дальний Восток, власти Российской империи столкнулись с трудностями в управлении иностранцами и нерусскими народами, прибывавшими туда после 1860 г. и имевшими неопределенный правовой статус вплоть до 1884 г. После пересмотра административных границ в 1884 г. новый генерал-губернатор проанализировал экономическую пользу и потенциальную угрозу от пребывания в регионе китайцев, корейцев и евреев, чтобы определить, к кому из них властям следует проявлять терпимость. В этом анализе евреи оказались самым нежелательным элементом: как с точки зрения «русскости», так и из-за их экономической активности, которая воспринималась как эксплуататорская и непродуктивная. Общее представление было таково: корейское земледелие и китайский труд – в отличие от самих корейцев и китайцев – могли быть интегрированы в экономику региона, в то время как евреи ни в каком виде интеграции не подлежали из-за их воображаемого

экономического поведения. Подспудным принципом, определявшим решения первого генерал-губернатора, были терпимость к тем нерусским переселенцам, которые были необходимы для экономического развития региона, и изгнание всех тех, кто необходимым не был. Со временем риторика дальневосточных чиновников становилась все более антиазиатской, и дискурс об экономической эксплуатации не ограничивался только евреями. Однако когда этот дискурс применялся к корейцам и китайцам, евреи часто служили его «архетипом»: на корейцев и китайцев, обвиняемых в паразитической экономической деятельности, чиновниками и другими наблюдателями распространялись стереотипы об экономической активности, присущие представлениям о евреях.

Более поздние руководители региона оправдывали нетерпимость по отношению к евреям близостью российско-цинской границы: евреи столь же ненадежны у восточных рубежей, как у западных. Если евреи черты оседлости обвинялись в контрабанде товаров через европейские границы империи, на Дальнем Востоке их обвиняли в незаконной переправке за границу золота. Кроме того, кажется, евреев на Дальнем Востоке выделяли в отдельную категорию и подвергали высылке из региона (включая солдат, имевших законное право проживать там) потому, что это было технически возможно: воспринимая их как нежелательный элемент, администрация могла реально ограничивать еврейское присутствие, в отличие от присутствия китайцев и корейцев, приток которых было невозможно контролировать наличными полицейскими силами.

Отдельные еврейские купцы и еврейский капитал были крайне важны для экономики региона [Кальмина 2018, 58–59], однако само по себе малочисленное и частично нелегальное еврейское население не являлось значимой рабочей силой. Евреи Приамурья не возделывали землю, как корейцы, и не доминировали в торговле, как китайцы; при этом преобладание китайцев в торговле было следствием возможности относительно легко пересекать границу (подобно евреям в черте оседлости!). Кажется вероятным, что обычных евреев преследовали и изгоняли за воображаемую «еврейскую» экономическую деятельность, в то время как еврейские инвестиции продолжали оказывать влияние на развитие Дальнего Востока. Так, например, трое евреев, которых сумел изгнать Духовский, описаны как ремесленники: «Вследствие чего... принимаются меры к выселению из Приамурского края тех евреев, которые фактически водворились в оном и занимались здесь торговлею и ремеслами» [ГАРФ, Ф. 102. Оп. 76а. Д. 1758. Л. 4–4 об.].

Антиеврейская политика на Дальнем Востоке стала проявлением концептуального разворота империи от курса российской монархии конца XVIII и начала XIX вв., когда на евреев смотрели как на потенциально полезный и продуктивный инструмент колонизации. В XVIII в. Екатерина II под влиянием идей камерализма приглашала евреев (наряду с прочими

иностранцами) в Новороссию, чтобы развивать тамошнюю экономику. В 1806 г. Александр I поддержал основание в Новороссии еврейских сельхозколоний (которые в итоге, впрочем, не оказались успешными). В 1836 г. Николай I разрешил евреям селиться в Западной Сибири, судя по всему, надеясь, что там они будут заниматься сельским хозяйством (вскоре он отменил свое решение, а его преемники больше не пытались переселить евреев на восток) [Stanislawski 1983, 39–40; Никитин 1887]. К моменту восшествия на престол Александра III отношение к евреям как к потенциально эффективным колонизаторам претерпело серьезные изменения.

В чем причина этого изменения? Евреи перестали восприниматься как эффективные колонизаторы в результате смены имперской идеологии по еврейскому вопросу в конце XIX в. Как отмечали многие историки, после 1881 г. имперское правительство отказалось от усилий по интеграции евреев и, наоборот, стало стремиться отделить их от прочих национальностей и конфессий [Rogger 1986, 27]. Отношение к евреям на Дальнем Востоке отразило это изменение, в особенности в аспекте восприятия евреев как эффективных колонизаторов и экономических акторов.

Помимо антиеврейского разворота российской политики в целом, необходимо учитывать и динамику местного, регионального контекста. Отношение властей к «иностранщине» на Дальнем Востоке было обусловлено целым рядом факторов и зависело от конкретного этапа имперской колонизации. Изначально дальневосточная администрация проявляла терпимость к восточноазиатам, но ситуация резко изменилась, когда властям удалось переселить в Приамурье значительное число русских крестьян, после чего корейцы и китайцы, ранее считавшиеся «полезными», начали подвергаться разнообразной дискриминации. Как и в случае с евреями в предыдущие десятилетия, империя была готова проявлять толерантность только к тем нерусским группам населения, которые виделись необходимыми для экономики региона. К началу XX в. китайцы и корейцы таковыми более не являлись.

Источники

- Белковский 1905 – *Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб.: Б.и., 1905.
- Боголюбский 1886 – *Боголюбский Н.* Золотопромышленность в Амурской и Приморской областях. Благовещенск: Тип. П. Г. Артамонова и Ко, 1886. VI, 20, [4] с.
- Буссе 1896 – *Буссе Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1896.

- Восход 1889 – *Мыш М.* О евреях в Сибири // Восход. 1889. № 8.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Из речи П. А. Столыпина 1908 – Из речи П. А. Столыпина 31 марта 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Сессия первая. 1907–1908 гг. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Ч. II. С. 1404–1416. URL: <http://doc20vek.ru/node/1416> (дата обращения 09.08.2021).
- Колбасенко 1899 – *Колбасенко И. С.* Населенные места Приморской области в 1896 г.: материалы по статистике Приморской области. Никольск-Уссурийский: Тип. Ф. В. Мисюры, 1899.
- Никитин 1887 – *Никитин В. Н.* Еврей-земледельцы. СПб.: Б.и., 1887.
- Обзор Приморской области – Обзор Приморской области за 1876–1917 годы. Владивосток, 1897–1917.
- Первая всеобщая перепись 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVI, Приморская область. Б.и., 1905. Тетрадь 3.
- Першин 1905 – *Першин И.* Дальний Восток и его богатства. Одесса: Тип. Гладкова и Прищепова, 1905. 26 с.
- Песоцкий и др. 1911 – *Песоцкий В. Д., Гондатти Н. Л., Романов В.* Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции [Вып. 11а]: Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика I-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В. Д. Песоцкого / [авт. предисл. Нач. экспедиции шталмейстер Н. Гондатти, упр. делами экспедиции В. Романов]. Хабаровск, 1913. XII, 188 с.
- Пржевальский 1870 – *Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, [1870] 1947.
- Приамурские ведомости 1894 – Село Благодное, Амурской области // Приамурские ведомости. 1894. 27 ноября.
- Сибирский торгово-промышленный ежегодник: с приложением портрета Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, шести планов городов, портретов общественных деятелей, рисунков и проч. СПб.: Издание Д. Р. Юнг., 1913.
- Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1911–1913.
- Тюремный вестник 1898 – Могут ли содержаться в одной и той же камере арестанты разных исповеданий? // Тюремный вестник. 1898. Март.
- Унтербергер 1900 – *Унтербергер П. Ф.* Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб., 1900.
- Унтербергер 1912 – *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912.
- Шрейдер 1897 – *Шрейдер Д. И.* Наш Дальний Восток: три года в Уссурийском крае. СПб.: изд. А. Ф. Девриена, 1897. 469 с.
- Der Fraynd 1904 – *Y. D. Dos Yidishe lebn in Sibir* // Der Fraynd. 1904. 21 Februar.
- Kennan 1891 – *Kennan G.* Siberia and the Exile System, New York, 1891.

Wenyon 1909 – *Wenyon C.* Four Thousand Miles across Siberia on the Great Post-Road. London, 1909.
Yidishe Togblat 1909 – Di naye gzeyre in Sibir // Yidishe Togblat. 1909.

Литература

- Аносов 1928 – *Аносов С.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928. 86 с.
- Герасимова 2018 – *Герасимова В. А.* Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского государственного университета. 2018. № 3(42). С. 54–63.
- Гольдин 2011 – *Гольдин С.* Еврей как понятие в истории имперской России // Понятие о России. К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2011. Т. II. С. 340–391.
- Дятлов, Гузей, Сорокина 2020 – *Дятлов В. И., Гузей Я., Сорокина Т. Н.* Китайский погром: благовещенская «утопия» 1900 года: в оценке современников и потомков. СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
- Кабузан 1985 – *Кабузан В. М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917): ист.-демогр. очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Кальмина 2003а – *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.). Дисс. ... докт. ист. наук. Иркутск: Иркутский гос. университет, 2003. 583 с.
- Кальмина 2003б – *Кальмина Л. В.* Запрет на пребывание евреев в пограничной полосе: Сибирский вариант // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы IV регион. конф. Красноярск, Биробиджан. Вып. 4. Красноярск: Кларетианум, 2003. С. 30–33.
- Кальмина 2005 – *Кальмина Л. В.* Еврейские ссыльные первой волны: социальный портрет // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность. Материалы VI регион. конф., Барнаул, 22–23 августа 2005 г. Красноярск, Барнаул, 2005. С. 3–8.
- Кальмина 2018 – *Кальмина Л. В.* Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2018. Т. 23. С. 55–61.
- Кальмина 2020 – *Кальмина Л. В.* «Еврейская» политика сибирских губернаторов: отклонение от «генеральной линии» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 12–17.
- Натанс 2007 – *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 436 с.
- Позняк 2010 – *Позняк Т. З.* Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая

- половина XIX – начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 203–217.
- Ремнев 2000 – *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.
- Ремнев 2002 – *Ремнев А. В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // *Сибирская заимка: история Сибири в научных публикациях*. 30.12.2002. URL: <https://zaimka.ru/remnev-border/> (дата обращения 09.08.2021).
- Ремнев 2004 – *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока: имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского университета, 2004. 552 с.
- Ремнев, Суворова 2010 – *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков*. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 17–64.
- Романова 2001 – *Романова В.* Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX в.). Красноярск: Кларетианус, 2001. 295 с.
- Сагитова 2004 – *Сагитова И. О.* Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик: вторая половина XIX–XX вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 22 с.
- Сорокина 2010 – *Сорокина Т. Н.* Изменения правил перехода границы для китайцев в Приамурском крае в 1911–1912 гг. и «Сахалинский инцидент» // *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков*. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 184–202.
- Ascher 2002 – *Ascher A. P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2002. 468 p.
- Avrutin 2018 – *Avrutin E. M.* *Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia*. 2018. 232 p.
- Bassin 1991 – *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. 50. № 1. P. 1–17.
- Bassin 1999 – *Bassin M.* *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. University College London: Cambridge University Press, 1999. 331 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493638>

- Chang 2016 – *Chang J. K.* *Burnt by the Sun: The Koreans of the Russian Far East.* University of Hawai'i Press, 2016. 286 p.
- Diment, Slezkin 1993 – *Diment G. and Slezkine Yu.*, ed. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture.* New York: Palgrave Macmillan, 1993. 288 p.
- Estraikh 2009 – *Estraikh G.* Changing Ideologies of Artisanal “Productivisation”: Ort in Late Imperial Russia // *East European Jewish Affairs.* 2009. 39, № 1. P. 3–18.
- Glebov 2013 – *Glebov S.* The Post-Imperial Meets the Post-Colonial: Russian Historical Experience and the Post-Colonial Moment // *Ab Imperio.* 2013. Vol. XIV. № 2. P. 97–135.
- Glebov 2017 – *Glebov S.* Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s. // *Ab Imperio.* 2017. № 1. P. 86–130.
- Glebov 2019 – *Glebov S.* Center, Periphery, and Diversity in the Late Imperial Far East // *Ab Imperio.* 2019. № 3. P. 265–278.
- Glebov 2020 – *Glebov S.* Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers.* 2020. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Goldin 2010 – *Goldin S.* Jews as Cosmopolitans, Foreigners, Revolutionaries. Three Images of the Jew in Polish and Russian Nationalist Ideology at the End of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *European Review of History: Revue europeenne d'histoire.* 17(3). P. 431–444.
- Goryushkin 1991 – *Goryushkin L. M.* Migration, Settlement and the Rural Economy of Siberia, 1861–1914 // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*, ed. by Alan Wood. London: Routledge, 1991. P. 140–157.
- Hsu 2006 – *Hsu Ch. Y.* A Tale of Two Railroads: ‘Yellow Labor,’ Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s–1910s // *Ab Imperio.* 2006. № 3. P. 217–253.
- Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917 // *Nationalities Papers.* 2020. P. 1–17.
- Kahan 1986 – *Kahan A.* *Essays in Jewish Social and Economic History*, ed. Roger Weiss, The University of Chicago Press, 1986. 208 p.
- Kal'mina 2011 – *Kalmina L. V.* The Possibility of the Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // *Anti-Jewish Violence.* 2011. P. 131–143.
- Klier 1995 – *Klier J.* *Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881.* Cambridge and New York, Cambridge University Press, 1995. 560 p.
- Kotsonis 1999 – *Kotsonis Y.* *Making Peasants Backward.* Macmillan, 1999. 245 p.
- Lestchinsky 1922 – *Lestchinsky J.* *Dos Idishe Folk in Tsifern* [The Jewish people in numbers]. Berlin: 1922.

- Levin 2017 – *Levin V.* The Legal History of Synagogues of Volhynia // *Synagogues in Ukraine: Volhynia*, ed. by Sergey Kravtsov and Vladimir Levin. Jerusalem: Zalman Shazar Center and the Center for Jewish Art, 2017. P. 21–57.
- Matsuzato 2012 – *Matsuzato K.* The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // *The Russian Review*. 2012. № 71. P. 365–390.
- Morrison 2012a – *Morrison A.* The Pleasures and Pitfalls of Colonial Comparisons // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Fall 2012. № 13, 4. P. 919–936.
- Morrison 2012b – *Morrison A.*, Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 327–364.
- Morrison 2020 – *Morrison A.* The Russian conquest of Central Asia: a study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge University Press, 2020.
- Nansen 1914 – *Nansen F.* *Siberian Discovery*. trans. Collins D. N. Richmond: Curzon, 2000 [1914].
- Park 2020 – *Park A. M.* *Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945*. Ithaca, 2020. 306 p.
- Rainbow 2013 – *Rainbow D.* *Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920*. PhD Diss. New York, 2013.
- Rogger 1986 – *Rogger H.* *Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia*. Basingstoke: Macmillan, 1986. 283 p.
- Siegelbaum 1978 – *Siegelbaum L. H.* Another ‘Yellow Peril’: Chinese Migrants in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. № 2. P. 307–330.
- Slocum 1998 – *Slocum J. W.* Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia // *The Russian Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P.173–190.
- Sokolsky 2014 – *Sokolsky M.* Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late Tsarist Primor’e // *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. Summer 2014. Vol. 13. № 2. P. 28–61.
- Treadgold 2016 – *Treadgold D.* *The Great Siberian migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War*. Princeton University Press. 1957, reprinted in 2016. 278 p.
- Wolff 1999 – *Wolff D.* *To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*, Stanford: 1999. 276 p.
- Wood 1991 – *Wood A.* Russia’s ‘Wild East’: Exile, Vagrancy, and Crime in Nineteenth Century Siberia // *The History of Siberia: From Russian Conquest to Siberia*. Ed. by Alan Wood. London: Routledge, 1991. P. 115–137.

The “Yellow” and “Jewish” Question in the Russian Far East: Managing Foreignness, Productivity, and Colonization, 1858-1914

Tova Benjamin

(New York, USA)

Skirball Department of Jewish Studies

New York University

PhD Candidate in History and Jewish Studies

ORCID: 0000-0001-7885-9534

E-mail: tpb254@nyu.edu

Abstract: This article compares the Russian empire’s “Yellow” and “Jewish” question in the Far East, contrasting imperial officials’ attitudes toward Chinese, Korean, and Jewish settlement and economic activities in the Priamurskii Krai. Considering these groups side by side reveals how the empire treated Jews as its own internal other, and how discourse about Jews in the Western borderlands could be broadened to include other groups the Russian empire viewed as a threat: in this case, Chinese and Korean migrants and settlers. The article details the legal limbo these three groups existed in between 1858–1884, and the development of anti-Asian and anti-Jewish attitudes after administrative boundaries were redrawn in 1884. Despite the small number of Jews in the region, local officials and the Ministries of Justice and Interior debated the “Jewish Question” in the Priamur, and Jews were considered the archetypical economic exploiter for those Russian officials and Russian settlers who wanted to underscore the perceived economic threat of Chinese and Korean settlers. While the empire formerly considered Jews as a potentially productive colonizing element, this article uses the regional example of the Far East to consider how imperial attitudes toward non-Russian elements of the population weighed the economic usefulness of undesirable groups against their perceived cultural threat.

Keywords: The Jewish Question, imperial borderlands, Jews in Siberia and the Far East, Koreans in the Priamur, colonization, Chinese migration

References

- Anosov, S., 1928, *Koreitsy v Ussuriiskom krae* [Koreans in the Ussuri Region] Khabarovsk – Vladivostok, Knizhnoie delo, 86.
- Gerasimova, V. A., 2018, *Sibir’ Tolerantnaia? K voprosu ob otnoshenii k evreiam v Zapadnoi Sibiri v dorevoliutsionnyi period* [Is Siberia Tolerant? On the

- Issue of Attitudes Towards Jews in Western Siberia in the Pre-Revolutionary Period]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(42), 54–63.
- Gol'din, S., 2011, *Evrei kak poniatie v istorii imperskoi Rossii* [Jews as a Concept in the History of Russia]. *Poniatia o Rossii. K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* [The Concepts of Russia. Towards the Historical Semantics of the Imperial Period], eds. A. Miller, D. Sdvizhkov, and I. Shirle, 340–391. Moscow, NLO, Vol. 2, 496.
- Diatlov, V. I., Ya. Guzei, and T. N. Sorokina, 2020, *Kitaiskii pogrom: blagoveshchenskaia "utopia" 1900 goda v otsenke sovremennikov i potomkov* [Chinese Pogrom: Blagoveshchensk "Utopia" of 1900 Assessed by Contemporaries and Descendants]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 208.
- Kabuzan, V. M., 1985, *Dal'nevostochnyi krai v 18 – nachale 20 vv. (1640–1917): ist.-demogr. ocherk* [Far East in the 18th and early 19th centuries]. Moscow, Nauka, 260.
- Kal'mina, L. V., 2003, *Evreiskie obshchiny Vostochnoi Sibiri (seredina 19 veka – fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities in Eastern Siberia], Irkutsk, Irkutsk State University, 583.
- Kal'mina, L. V., 2003, *Zapret na prebyvanie evreev v pograničnoi polose: Sibirskii variant* [The Banishment of Jews in the Border Strioe]. *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriia i sovremennost'. Materialy 4 region. konf. Krasnoiarsk, Birobidzhan* [Jews in Siberia and Far East: History and Modernity. The Proceedings of the 4th Regional Conference. Krasnoiarsk, Birobidzhan], Vol. 4, 30–33, Krasnoiarsk, Klaretianum.
- Kal'mina, L. V., 2005, *Evreiskie ssyl'nye pervoi volny: sotsial'nyi portret* [First Wave Jewish Exciles: the Social Portrait]. *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Materialy 6 region. konf. Krasnoiarsk, Barnaul*. [Jews in Siberia and Far East: History and Modernity. The Proceedings of the 6th Regional Conference. Krasnoiarsk, Barnaul], 3–8, Krasnoiarsk, Klaretianum, 248.
- Kal'mina, L. V., 2018, *Evreiskaia obshchina v Zabaikal'e: regional'nye niuansy samoupravleniia* [Jewish Community in Transbaikalia: Self-Government Regional Nuances]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Istoriia"*, 23, 55–61.
- Kal'mina, L. V., 2020, "Evreiskaia" politika sibirskikh gubernatorov: otklonenie ot "general'noi linii" ["Jewish Policy of Siberian Governors"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 64, 12–17.
- Natans, B., 2007, *Za chertoi: Evrei vstrechaiutsia s pozdneimperskoi Rossiei* [Below the Pale: Jews Meet with Late Imperial Russia]. Moscow, ROSSPEN, 436.
- Pozniak, T. Z., 2010, *Formal'nye i neformal'nye ekonomicheskie praktiki immigrantov na rossiiskom Dal'nem Vostoke (vtoraia polovina 19 – nachalo 20 v.)* [Formal and Informal Immigrant's Economic Practices in the Russian Far East]. *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia.

- The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 203–217, Irkutsk, Ottisk, 640.
- Remnev, A. V., 2000, Regional'nye parametry imperskoi "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'nii Vostok) [Regional Parameters of the Imperial Geography of Power]. *Ab Imperio*, 3–4, 343–358.
- Remnev, A. V., 2002, Geograficheskie, administrativnye i mental'nye granitsy Sibiri (19 – nachalo 20 v.) [Geographic, Administrative and Mental Boundaries of Siberia (19 – early 20 centuries)]. *Sibirskaiia zaimka: istoriia Sibiri v nauchnykh publikatsiakh*, 30.12.2002. URL: <https://zaimka.ru/remnev-border/>.
- Remnev, A. V., 2004, *Rossiiia Dal'nego Vostoka: imperskaia geografiia vlasti 19 – nachala 20 vekov* [Russia of the Far East: Imperial Geography of Power in the 19th and early 20 centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 552.
- Remnev, A. V., and N. G. Suvorova, 2010, Upravliaemaia kolonizatsiia i stikhiinye migratsionnye protsessy na aziatskikh okrainakh Rossiiskoi imperii: otsenki i prognozy imperskikh ekspertov [Controlled Colonization and Spontaneous Migration Processes in the Asian Outskirts of the Russian Empire: Estimates and Forecasts of Imperial Experts]. *Migratsii i diasporv v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia. The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 17–64, Irkutsk, Ottisk, 640.
- Romanova, V., 2001, *Vlast' i evrei na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriia vzaimootnoshenii: (vtoraia polovina 19 v. – 20-e gody 20 v.)* [Power and Jews in the Far East], Krasnoiarsk, Klaretianum, 295.
- Sagitova, I. O., 2004, Diaspornye obshchiny Primorskogo kraia: formirovanie, razvitie, etnokul'turnyi oblik: vtoraia polovina 19–20 vv. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Diaspora Communities of the Primorsky Krai: Formation, Development, Ethnocultural Appearance: the second half of the 19th and 20th centuries], Vladivostok, 22.
- Sorokina, T. N., 2010, Izmeneniia pravil perekhoda granitsy dlia kitaitsev v Priamurskom krae v 1911–1912 gg. i "Sakhalinskii intsident" [Change of Rules for Crossing the Border for Chinese in the Priamur in 1911–1912]. *Migratsii i diasporv v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi 19–20 i 20–21 vekov* [Migration and Diaspora in the Socio-Cultural, Political and Economic Space of Siberia. The Frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries], 184–202, Irkutsk, Ottisk, 640.